ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ОСАДѢ ВАРНЫ

И О ПРЕБЫВАНІИ ТАМЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

1828.

I.

Прошло болѣе 50-ти лѣтъ со времени осады Варны и число участниковъ похода 1828 года рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ. Всѣ главныя лица давно уже сошли въ могилу и остаются только тѣ, которыя служили въ небольшихъ чинахъ, исполняя второстепенныя обязанности. Но всякое воспоминаніе, всякій разсказъ живаго очевидца имѣетъ нѣкоторую цѣну и я, какъ служившій при войскахъ все время осады, передаю свои воспоминанія о ней, такъ, какъ сохранились они въ походныхъ замѣткахъ того времени.

Крѣпость Варна, лежащая у подошвы Малыхъ Балканъ, на прямомъ береговомъ сообщеніи съ Бургасомъ и другими портами Чернаго моря, имѣла для насъ большую важность. Съ покореніемъ ея, армія соединялась съ флотомъ и для дальнѣйшаго наступленія во внутрь страны открывался удобнѣйшій изъ всѣхъ путей для перехода чрезъ Балканскій горный хребетъ. Самая крѣпость, не имѣя наружныхъ верковъ, состояла изъ главнаго вала съ сильными бастіонными фронтами и широкимъ, глубокимъ рвомъ, въ окружности до семи верстъ. Она была вооружена 178-ю орудіями и защищалась 20,000-мъ гарнизономъ, подъ начальствомъ Капудана-паши.

Князь Меншиковъ, котораго отрядъ не превышалъ 10,000 человѣкъ, дѣятельно велъ осаду съ конца іюля мѣсяца. Подступивъ съ сѣверной стороны, онъ сначала обложилъ эту часть крѣпости рядомъ редутовъ на пушечный выстрѣлъ и потомъ, пользуясь виноградниками и кустами, скрывавшими наши работы, повелъ атаку на два бастіона, ближайшіе къ морю. Этими дѣйствіями онъ сближался съ

флотомъ, съ котораго, за неимѣніемъ при отрядѣ осадныхъ орудій, была свезена на берегъ часть артиллеріи и при помощи храбрыхъ черноморскихъ моряковъ быстро установлялась на батареяхъ. Самъ князь Меншиковъ лично наблюдалъ за всѣми работами и, болѣе, чѣмъ слѣдовало бы главному начальнику, подвергалъ себя ежедневной опасности.

Съ самаго начала осады я состоялъ при войскахъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба. Обязанность моя, кромѣ дежурства въ траншеяхъ, заключалась, между прочимъ, и въ томъ, чтобы водить войска изъ лагеря и располагать ихъ для прикрытія работъ.

Въ одну изъ темныхъ ночей, при густомъ туманѣ, которые такъ часты въ Турціи въ это время года, пришлось мнѣ вести рабочую команду въ 200 человѣкъ съ баталіономъ пѣхоты и 4-мя батарейными орудіями на крайнюю оконечность праваго фланга позиціи, гдѣ въ ту же ночь должно было возвести редутъ. Слѣдуя какъ можно тише, чтобы не обратить вниманіе турокъ, и пройдя нѣсколько верстъ среди виноградниковъ,—гдѣ я остановилъ орудія съ частью пѣхоты,—мы, вмѣстѣ съ піонернымъ офицеромъ, скоро отыскали, не смотря на темноту, заранѣе избранное для укрѣпленія мѣсто и, въ то время, какъ я разставлялъ впереди цѣпь ведетовъ для охраненія, товарищъ мой съ рабочими людьми принялся за работу съ лопатами. Непріятель въ теченіе всей ночи не тревожилъ насъ — и къ разсвѣту готовъ былъ окопъ, достаточно сильный для прикрытія людей и орудій, которыя тотчасъ же были введены въ укрѣпленіе. Раздалась команда для пальбы и, каково же было наше изумленіе, когда первое пущенное ядро, вмѣсто крѣпостнаго бастіона, упало въ виноградники.

Ошибка была очевидна—отъ невѣрнаго направленія передоваго фаса редута, и исправить ее можно было только тѣмъ, чтобъ, изъ прямыхъ, сдѣлать косыя амбразуры. Быстро кинулись на эту работу всѣ люди, поощряемые офицерами, но турки уже замѣтили наше появленіе и выстрѣлъ за выстрѣломъ началъ осыпать насъ снарядами. Чрезъ полчаса времени, отважными усиліями піонеръ и артиллеристовъ, наши орудія могли уже отвѣчать на непріятельскій огонь, но жертвою ошибки, происшедшей, конечно, отъ темноты, пало болѣе 25-ти человѣкъ и, въ томъ числѣ, одинъ артиллерійскій офицеръ.

Передавъ это воспоминаніе о случаѣ, который нерѣдко встрѣтиться можетъ при осадахъ, продолжаю дальнѣйшій разсказъ.

Главная атака, руководимая княземъ Меншиковымъ и при содѣйствіи флота адмирала Грейга, быстро подвигалась. Часть крѣпости, обращенная къ морю и сильно обстрѣленная съ кораблей,

приведена была почти въ бездѣйствіе, турецкая флотилія потоплена и всѣ отчаянныя вылазки варнскаго гарнизона отражены храбрыми 13-мъ и 14-мъ егерскими полками. Однакожъ, полнаго успѣха нельзя было ожидать до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ обложеніе крѣпости съ южной стороны, откуда доступъ къ ней былъ совершенно открытъ, и этимъ путемъ гарнизонъ получалъ всѣ подкрѣпленія. Но обложить крѣпость и съ южной стороны, при слабомъ составѣ войскъ осаднаго отряда, было невозможно, а между тѣмъ имѣлось уже свѣдѣніе, что для усиленія его идетъ гвардейскій корпусъ, что онъ нерешелъ уже Дунай и направляется къ Варнѣ, куда, однакожъ, не можетъ прибыть ранѣе конца августа мѣсяца; къ тому же времени и ожидалось возвращеніе Государя, моремъ, изъ Одессы. Въ видахъ того, чтобы до прибытія гвардіи хотя нѣсколько ослабить способы, получаемые гарнизономъ Варны съ южной стороны, князь Меншиковъ, не взирая на малочисленность своихъ войскъ, рѣшился отдѣлить отъ нихъ особый летучій отрядъ, который долженъ былъ обойти лиманъ Девно и, занявъ съ боя переправу у дер. Гебедже, въ 18-ти верстахъ отъ крѣпости, дѣлать поиски и набѣги до самой бургасской дороги.

Въ такомъ положеніи были дѣла подъ Варной, когда, 9-го августа, при одномъ изъ сильныхъ непріятельскихъ нападеній на наши траншеи, роковое ядро нанесло князю Меншикову значительную рану, лишивъ возможности продолжать командованіе войсками. Его замѣнилъ временно начальникъ штаба отряда, генералъ-маіоръ Перовскій, въ послѣдствіи также тяжело раненый; тогда продолженіе осады ввѣрено графу М. С. Воронцову, который 18-го августа и вступилъ въ отправленіе новой обязанности.

Я находился въ это время при летучемъ отрядѣ, у Гебедже, гдѣ переправа была занята нами, и отсюда казаки съ конными егерями, пользуясь лѣсистою мѣстностью, дѣлали частые, внезапные набѣги на высылаемыхъ изъ крѣпости фуражировъ; слѣдуя съ ними, я могъ хорошо изучить мѣстность, не предвидя еще тогда, что въ самомъ скоромъ времени она сдѣлается театромъ самыхъ кровопролитныхъ дѣйствій [1]).

28-го августа, совершенно неожиданно получилъ я отъ новаго главнокомандующаго приказаніе—немедленно прибыть въ лагерь подъ Варной, и, къ вечеру того же дня, явился къ графу Воронцову, ко-

---

[1]) Карты Турціи 1828 года были крайне неудовлетворительны. На лучшей изъ нихъ, изданной генераломъ Хатовымъ, часть Малыхъ Балканъ за Варной оставлена была въ пробѣлѣ, съ надписью: «Горы, покрытыя лѣсомъ». А. В.

торый меня вовсе не зналъ. Ласковый и привѣтливый пріемъ воина Наполеоновскихъ временъ вполнѣ очаровалъ меня. «Вы хорошо знаете мѣстность на южной сторонѣ крѣпости,—сказалъ мнѣ графъ,—и я долженъ вмѣстѣ съ вами составить въ эту же ночь предположеніе о движеніи части гвардіи на переправу у Гебедже и далѣе горами, для полнаго обложенія Варны. Завтра утромъ, не позже 9-ти часовъ, прибудетъ сюда Государь съ корабля, и къ пріѣзду его—работа должна быть готова».

Не выходя изъ палатки, за чайнымъ столомъ у графа, прописалъ я почти всю ночь, едва имѣвъ время для нѣкотораго отдыха.

Не могу не упомянуть здѣсь о томъ, вообще выгодномъ, впечатлѣніи, которое произвело на войска назначеніе графа Воронцова. Его прежняя славная боевая служба, полное спокойствіе во всѣхъ распоряженіяхъ и, наконецъ, всегда вѣжливое, ровное со всѣми, обращеніе невольно вселяли общее уваженіе и довѣріе. Отличительною чертой графа Воронцова была особая заботливость его о подчиненныхъ. Возлѣ его ставки устроенъ былъ огромный баракъ, гдѣ постоянно была дежурная прислуга и гдѣ, на длинномъ столѣ, каждый изъ пріѣзжающихъ съ донесеніями офицеровъ находилъ, во всѣ часы дня и ночи, все нужно для подкрѣпленія силъ. Всѣ испытавшіе на себѣ неизбѣжныя лишенія и трудности похода 1828 года, въ опустошенной и раззоренной Болгаріи, оцѣнятъ вполнѣ эту похвальную въ начальникѣ заботу.

29-го августа, къ назначенному часу, Государь, въ сопровожденіи небольшой свиты, высадился на берегъ съ корабля «Парижъ» и верхомъ прибылъ въ лагерь. Сойдя съ лошади, онъ прямо направился къ ставкѣ, гдѣ лежалъ раненый князь Меншиковъ, переносившій страданія свои съ неимовѣрною твердостью. Трогательно было это свиданіе: со слезами обнялъ Государь князя и въ теплыхъ, задушевныхъ словахъ благодарилъ его за службу. Потомъ уже перешелъ въ палатку князя Воронцова, куда, чрезъ нѣсколько минутъ, я одинъ былъ позванъ.

Государь смотрѣлъ на карту, когда я вошелъ въ палатку, и, поднявъ на меня свой проницательный взглядъ, сталъ въ подробности разспрашивать о мѣстности на южной сторонѣ крѣпости. Увидѣвъ же, между прочимъ, на картѣ небольшую дорогу, выше переправы у Гебедже, выразилъ опасеніе, что непріятель можетъ ею воспользоваться для обхода, сказавъ по французски, «cela peut paralyser nos projets». Я отвѣчалъ Государю, что отъ пункта переправы ведутъ къ Варнѣ двѣ дороги: одна вдоль берега лимана, другая же, выше, лѣсами, по которой можно удобно провести гвардейскія войска, неза-

мѣтнымъ для турокъ образомъ,—что же касается до пути, возбудившаго опасеніе Государя на счетъ обхода, то, по личному осмотру моему, дорога эта непроходима для войскъ по причинѣ болотъ и разлива рѣчки Девно, и что, во всякомъ случаѣ, достаточно будетъ имѣть тутъ небольшой наблюдательный постъ. Графъ Воронцовъ, раздѣляя это мнѣніе, началъ самъ читать Государю соображенія свои для движенія гвардіи и когда, по выслушаніи ихъ, они были вполнѣ одобрены, то я получилъ личное отъ Государя повелѣніе состоять при назначенномъ къ обложенію крѣпости отрядѣ.

Начальство надъ нимъ было ввѣрено генералу Головину. Въ составъ отряда вошли: одна гвардейская бригада (Финляндскій и лейбъ-гвардіи Егерскій полки), 4 армейскихъ баталіона, 6 эскадроновъ уланъ и сотня гвардейскихъ казаковъ съ 2-мя артиллерійскими батареями, всего не свыше 6-ти тысячъ человѣкъ, которые, выступивъ въ ночь на 30-е августа, прибыли къ разсвѣту къ Гебедже. Дальнѣйшее движеніе для обложенія крѣпости, какъ полагалъ графъ Воронцовъ, произошло совершенно неожиданно для турокъ. Горныя, лѣсистыя высоты, образуемыя отрогами Малыхъ Балканъ, дали возможность скрыть направленіе нашей колонны и, утромъ 31-го августа, при яркомъ осеннемъ солнцѣ, засверкали штыки и пушки русскихъ войскъ на высотахъ передъ крѣпостью. Тѣсная блокада Варны была окончательно завершена, при чемъ отрядъ генерала Головина раздѣлился на двѣ части: одна спустилась внизъ и заняла перешеекъ между моремъ и лиманомъ, образуя собственно блокаду крѣпости,—другая же часть расположилась въ нѣсколькихъ отъ нея верстахъ, по дорогѣ, ведущей въ Бургасъ, имѣя фронтъ къ Камчику.

Кромѣ небольшихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, быстро умчавшихся въ крѣпость при нашемъ появленіи, и пушечныхъ выстрѣловъ изъ южныхъ бастіоновъ противъ нижняго отряда, непріятель нигдѣ не обнаруживалъ своего присутствія. Но, по свѣдѣніямъ, которыя имѣлись въ главной квартирѣ, было извѣстно, что изъ Шумлы, гдѣ былъ самъ верховный визирь, направляется къ Варнѣ отдѣльный курпусъ войскъ подъ начальствомъ паши Омеръ-Вріоне, съ тѣмъ, чтобы пробиться въ крѣпость и вынудить насъ снять осаду. Это извѣстіе увеличивало опасность южнаго отряда при крайней малочисленности его. Совершенно отдаленный отъ войскъ графа Воронцова и не имѣя почти отступленія, такъ какъ съ одной стороны было море, а съ другой лиманъ, а въ тылу крѣпость, онъ не могъ получить скораго подкрѣпленія иначе какъ высадкой на судахъ. Въ предвидѣніи этой крайности, въ одно время съ движеніемъ отряда генерала Головина, при-

ступлено было къ устройству пристани на морскомъ берегу близъ мыса Галата-бурну и при ней расположена рота Гвардейскаго экипажа.

Государь, со дня прибытія къ Барнѣ, имѣлъ постоянное пребываніе на кораблѣ «Парижъ», гдѣ кромѣ морскихъ чиновъ помѣщались и всѣ окружающія его лица. Близко слѣдя за всѣмъ происходящимъ въ осадѣ, гдѣ подступы къ крѣпости съ успѣхомъ подвигались впередъ, Государь почти ежедневно выѣзжалъ на берегъ, какъ для совѣщаній съ гр. Воронцовымъ, такъ и для осмотра постепенно подходящихъ гвардейскихъ войскъ. Въ особенности заботилъ царя высланный уже на южную сторону отрядъ; выбѣжавшіе изъ ближайшихъ окрестностей, болгары положительно утверждали, что турецкій корпусъ паши Омеръ-Вріоне идетъ по дорогѣ изъ Праводъ и занялъ дер. Гаджи-асакларъ въ 18-ти верстахъ отъ мѣста расположенія отряда генерала Головина. Всѣ эти тревожныя извѣстія не остановили однако же Государя въ рѣшеніи своемъ лично обозрѣть его на мѣстѣ.

4-го сентября получено было о томъ извѣщеніе, и на меня возложено было порученіе сопровождать Государя. Для сообщенія отъ пристани съ верхнимъ отрядомъ, проложена была торная дорога у самой подошвы высотъ, но она обстрѣливалась изъ крѣпости, и еще наканунѣ нѣсколько матросовъ, ѣхавшихъ съ обозомъ провіанта, были на ней убиты. Я не могъ рѣшиться вести по ней Государя и по необходимости долженъ былъ избрать для слѣдованія едва доступную для верховаго проѣзда тропу, которая вела на крутыя высоты морскаго берега. Конвой изъ черноморскихъ гвардейскихъ казаковъ былъ собранъ у пристани и 5-го сентября утромъ Государь, прибывъ на катерѣ, сѣлъ на простую казачью лошадь и приказалъ тотчасъ же вести его.

Едва поднялись мы по каменистымъ утесамъ мыса Галата-бурну, какъ мнѣ пришлось отвѣчать на различные вопросы Государя о положеніи отряда, а между тѣмъ, при малѣйшемъ невниманіи, легко было потерять слѣдъ тропы, которая совершенно исчезала во многихъ мѣстахъ. Это привело въ крайнее безпокойство сопровождавшаго Государя графа Бенкендорфа. Подскакавъ ко мнѣ, онъ строгимъ голосомъ повторялъ нѣсколько разъ: туда-ли веду я куда слѣдуетъ? гдѣ отрядъ генерала Головина? и знаю-ли я какой подвергаюсь отвѣтственности за малѣйшую оплошность? Не желая отвѣчать грубостью, я пришпорилъ лошадь и ускакалъ впередъ для осмотра глубокаго оврага, гдѣ, какъ я зналъ, придется просить Государя сойти съ лошади и спуститься пѣшкомъ. Благосклонность Государя меня ободряла, между тѣмъ какъ грозный взглядъ графа Бенкендорфа неотступно меня преслѣдовалъ. Около 4-хъ верстъ продолжался этотъ по-

ѣздъ, о трудности котораго я еще на пристани доложилъ Государю, и когда, наконецъ, выѣхалъ я на бургасскую дорогу, то милостивое царское слово «Спасибо тебѣ» вполнѣ вознаградило меня за неумѣстную недовѣрчивость графа Бенкендорфа.

Государь въ подробности обозрѣлъ всю позицію верхняго южнаго отряда, здоровался съ людьми каждой роты и, лично указавъ мѣсто для постройки укрѣпленія, тѣмъ же путемъ и на той же казачьей лошади возвратился чрезъ нѣсколько часовъ къ пристани для отплытія на флотъ.

Въ тотъ же вечеръ противъ передовыхъ постовъ отряда показались непріятельскіе разъѣзды, а черезъ день двѣ роты лейбъ-егерей и финляндцевъ со взводомъ уланъ, посланные для фуражировки, были внезапно окружены въ лѣсу многочисленною турецкою кавалеріей, но, храбро отстрѣливаясь, пробились сквозь нее съ небольшою потерей.

Не оставалось болѣе сомнѣнія въ приближеніи корпуса паши Омеръ-Вріоне. Для ближайшаго раскрытія непріятеля была предпринята рекогносцировка по праводской дорогѣ къ дер. Гаджи-асакларъ съ особымъ отрядомъ изъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка и 2-хъ эскадроновъ кавалеріи съ 2-мя орудіями. По особому присланному съ корабля «Парижъ», повелѣнію, начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрено, явившемуся за нѣсколько дней передъ тѣмъ къ генералу Головину, полковнику польской службы флигель-адъютанту Залусскому.

Выборъ этотъ былъ не только неудаченъ, но даже пагубенъ. Не зная ни войскъ, ему ввѣряемыхъ, ни той трудной лѣсистой мѣстности, по которой наступалъ непріятель и поэтому требовавшей крайней осторожности въ дѣйствіяхъ, полковникъ Залусскій пренебрегъ всѣмъ, и своею оплошностью, если не болѣе, подвергъ истребленію весь гвардейскій Егерскій полкъ.

Я не описываю этого роковаго, кроваваго дня, въ который несчастные егеря трупами своими покрыли всю дорогу, ведущую къ деревнѣ Гаджи-асакларъ. Онъ съ полною правдивостью описанъ въ сочиненіи капитана Лукіяновича о походѣ 1828 года и еще съ большею откровенностью сдѣлано о немъ заключеніе въ особой французской брошюрѣ, изданной генераломъ Головинымъ.

Страннымъ можетъ показаться только то, что при означенной рекогносцировкѣ не находилось ни одного офицера генеральнаго штаба. Объясняется оно тѣмъ, что во всемъ южномъ отрядѣ, раздѣленномъ на двѣ части, состояло въ то время только два офицера, а именно гвардейскаго штаба поручикъ Львовъ и я. Первый еще наканунѣ отправленія полковника Залусскаго былъ посланъ съ казачьей

партіей къ Камчику, откуда также показался непріятель. Я же съ ранняго утра былъ въ нижнемъ отрядѣ, гдѣ турки сдѣлали сильную вылазку изъ крѣпости.

Примѣръ гибельнаго для егерей дѣла доказалъ на опытѣ какого вниманія, осмотрительности и даже искусства требуютъ дѣйствія въ лѣсахъ, гдѣ при закрытой мѣстности ничто не должно ускользать отъ глаза начальника.

II.

Извѣстіе о пораженіи гвардейскаго Егерскаго полка сильно встревожило Государя и всю главную квартиру; безъ малѣйшаго замедленія приняты были мѣры къ усиленію южнаго передоваго отряда, котораго составъ, за понесенными потерями и за отдѣленіемъ войскъ собственно для блокады крѣпости, едва достигалъ до 3,500 человѣкъ. Въ теченіе 11-го и 12-го сентября перевезены были моремъ и высажены сначала лейбъ-гвардіи Павловскій и потомъ Лейбъ-гренадерскій полки съ одною артиллерійскою батареей, и весь отрядъ ввѣренъ генералъ-адъютанту Бистрому. Кромѣ того, составленъ былъ особый кавалерійскій отрядъ изъ 1-й бригады легкой гвардейской дивизіи подъ командой генералъ-адъютанта Сухозанета, который двинулся чрезъ переправу при Гебедже на праводскую дорогу, стараясь войти въ соединеніе съ направленными изъ-подъ Шумлы къ Варнѣ войсками, съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ. Хотя князю Витгенштейну предписано было отдѣлить изъ главной арміи все, что только было возможно, но какъ послѣ всѣхъ дѣлъ въ теченіе лѣта и убыли отъ болѣзней, двухъ-баталіонные полки не составляли даже 1,000 штыковъ, то принцъ Виртембергскій выступилъ изъ Шумлы съ одною слабою бригадой 19-й пѣхотной дивизіи. По соединеніи же съ отрядомъ Сухозанета, который былъ усиленъ изъ Девно тремя пѣхотными полками, всѣ силы, которыми могъ располагать принцъ, не превышали 8,476 человѣкъ.

Еще меньшее число людей имѣлъ подъ ружьемъ генералъ Бистромъ, противъ котораго стоялъ уже 40,000 турецкій корпусъ [1]), сильно укрѣпившійся и готовый къ бою.

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ подкрѣпленія, частію высаженныя моремъ, частію двинутыя изъ-подъ Шумлы, оба отряда наши на южной сторонѣ Варны составляли не болѣе 15,000, то есть едва

[1]) Въ описаніи турецкой войны 1828 года прусскаго офицера и нынѣшняго фельдмаршала Мольтке показано 50,000 человѣкъ. А. В.

треть противъ непріятельскаго корпуса, подступившаго съ цѣлью пробиться во что бы ни стало въ крѣпость. Къ тому же генералъ Бистромъ былъ разобщенъ отъ отряда принца Виртембергскаго густыми, сплошными лѣсами, гдѣ, на разстояніи болѣе 20 верстъ, не было никакихъ удобныхъ сообщеній.

При такихъ условіяхъ оставалось выжидать, что̀ предприметъ турецкій военачальникъ. Прошло нѣсколько дней въ легкихъ перестрѣлкахъ на аванпостахъ генерала Бистрома и въ то время, какъ отрядъ принца находился еще въ двухъ переходахъ отъ него, утромъ, 16-го сентября, многочисленныя толпы турецкой пѣхоты и кавалеріи, поддержанныя огнемъ изъ укрѣпленій, начали спускаться съ высотъ и повели атаку противъ лѣваго фланга позиціи нашей на бургасской дорогѣ.

День этотъ покрылъ новою славой генерала Бистрома, боровшагося цѣлый день противъ втрое сильнѣйшаго непріятеля, котораго всѣ отчаянныя усилія ворваться въ наши укрѣпленія были блистательно отражены [1]). Казалось бы, что послѣ такого успѣха, при слабости нашихъ отрядовъ, слѣдовало бы продолжать оборонительный образъ дѣйствій. Но вышло иначе. Прибывшій изъ Шумлы къ Государю начальникъ главнаго штаба графъ Дибичъ, имѣвшій вообще большое вліяніе на ходъ всей войны въ Турціи, былъ введенъ въ заблужденіе донесеніями генерала Сухозанета о числѣ и расположеніи непріятеля. Вызванный лично къ Государю на корабль «Парижъ», этотъ послѣдній рѣшился утверждать, что турецкій корпусъ паши Омеръ-Вріоне далеко не такъ значителенъ, какъ предполагаютъ, и что собственно укрѣпленный лагерь на высотахъ Куртме обороняютъ не болѣе 6,000 человѣкъ.

Столь ошибочныя свѣдѣнія имѣли послѣдствіемъ настоятельное повелѣніе атаковать турецкій лагерь не позже 18-го сентября. Тщетно генералъ Бистромъ, близко видѣвшій непріятеля, представлялъ свои соображенія о невѣрности свѣдѣній; тщетно также принцъ Виртембергскій, чрезъ нарочно посланнаго адъютанта своего, полковника Молоствова, сообщалъ Дибичу, что, по точнымъ извѣстіямъ отъ перебѣжавшихъ изъ турецкаго лагеря болгаръ, корпусъ паши Омеръ-Вріоне, усиленный войсками, пришедшими изъ-за Балканъ, превышаетъ даже 40,000 человѣкъ,—но отмѣны не послѣдовало.

Здѣсь не могу не разсказать, какъ очевидецъ, о свиданіи генерала Бистрома съ Сухозанетомъ, прибывшимъ прямо съ корабля

---

[1]) Я не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, будучи посланъ съ казаками для открытія сообщенія съ генераломъ Сухозанетомъ, о которомъ генералъ Бистромъ не имѣлъ никакого извѣстія. А. В.

«Парижъ», съ окончательными приказаніями, поздно вечеромъ 17-го сентября.

Рыцарь въ душѣ, генералъ Бистромъ, котораго имя въ главѣ гвардейскаго Егерскаго полка извѣстно въ русской арміи уже съ Бородинскаго боя, конечно, не изъ страха противился атакѣ. Онъ видѣлъ несоразмѣрность силъ, зналъ трудность доступа къ турецкимъ укрѣпленіямъ и, предвидя неудачу, рѣзко отвергалъ всѣ разсужденія генерала Сухозанета. Всѣ призванные на совѣтъ частные начальники были того же мнѣнія, но голосъ ихъ не былъ услышанъ. Тогда, доведенный до отчаянія, онъ вышелъ изъ палатки и, взявъ въ сторону Сухозанета, произнесъ знаменательныя слова:

— «Скажите Государю, что я готовъ съ ружьемъ въ рукахъ идти на приступъ простымъ солдатомъ, но отвѣтственности, какъ начальникъ, на себя не беру. Вы дали ложныя свѣдѣнія о непріятелѣ и на васъ однихъ падетъ кровь людей, которые завтра безполезно погибнутъ».

Принцъ Виртембергскій, съ своей стороны, просилъ отложить атаку до 21-го сентября, чтобы лучше осмотрѣть чрезвычайно лѣсистую и пересѣченную мѣстность, и сверхъ того о присылкѣ къ нему въ подкрѣпленіе одной гвардейской бригады. Послѣдняя просьба не могла быть, конечно, исполнена, такъ какъ эта бригада составляла единственный и послѣдній резервъ всего осаднаго корпуса подъ Варной. Измѣнить же день атаки было затруднительно вслѣдствіе сдѣланныхъ уже со стороны отряда генерала Бистрома распоряженій.

И такъ, 18-го сентября 1828 г., оба отряда должны были двинуться сколь можно одновременно на приступъ турецкаго укрѣпленнаго лагеря. Принцъ Евгеній, дѣйствуя вопреки собственнаго убѣжденія, но повинуясь долгу, увѣдомилъ Дибича краткими словами:

— «Въ 2 часа по полудни колонна моя будетъ на праводской дорогѣ на пушечный выстрѣлъ отъ непріятеля».

Находясь случайно во время всего сраженія при этомъ послѣднемъ отрядѣ, въ который я былъ посланъ за два часа до дѣла, я передаю подробности его, какъ онѣ сохранились въ моихъ воспоминаніяхъ.

Отъ деревни Гаджи-асакларъ на праводской дорогѣ, гдѣ собрался весь отрядъ принца, было не ближе 18-ти верстъ до непріятеля. Мѣстность, по которой наступали эти войска, была покрыта густымъ, сплошнымъ лѣсомъ; одна дорога шла среди его, образуя длинную тѣснину до самой почти высоты, укрѣпленной турками. Только въ полуторѣ верстѣ отъ нея была небольшая поляна, гдѣ турки имѣли полуоконченный редутъ съ нѣсколькими орудіями—далѣе же мѣст-

ность была вновь закрыта лѣсомъ и оврагами, очищаясь передъ самыми непріятельскими укрѣпленіями.

Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, непріятель покинулъ редутъ и небольшая площадь была занята 20-мъ егерскимъ и Украйнскимъ полками безъ большаго сопротивленія. Турки отступили и, разсыпавшись по всей окружности лѣса, открыли учащенный огонь по войскамъ, скученнымъ на тѣсной полянѣ. Тогда баталіонъ за баталіономъ началъ вступать въ лѣсъ, загремѣли выстрѣлы и скоро вся правая сторона была очищена отъ турокъ, причемъ одинъ изъ баталіоновъ Днѣпровскаго полка въ жаркой перестрѣлкѣ былъ увлеченъ на дальнее разстояніе и, такимъ образомъ, уже въ началѣ сраженія отдѣлился отъ прочихъ частей войска.

Въ лѣвой сторонѣ загорѣлся еще болѣе сильный бой въ лѣсу. Пользуясь глубокою балкой, значительная часть турецкой пѣхоты скрытно залегла въ ней и, подпустивъ стрѣлковъ на близкое разстояніе, внезапно окружила ихъ и вынудила къ отступленію подъ градомъ пуль. Произошло минутное замѣшательство, но близъ стоящій 20-й егерскій полкъ, подъ командой генералъ-маіора Симанскаго, и легкая 19-й бригады батарея артиллеріи, осыпавшая картечью весь лѣсъ, остановили это нападеніе. Здѣсь, самъ принцъ Виртембергскій былъ въ огнѣ и получилъ легкую рану въ руку, что не помѣшало ему продолжать командованіе.

Турки скрылись и бой замолкъ на нѣкоторое время. Тѣснота мѣста, гдѣ стоялъ отрядъ, не позволяла развернуть и установить для дѣйствія противъ турецкаго лагеря болѣе 10-ти орудій. Но выстрѣлы ихъ, по дальности разстоянія, не наносили много вреда, и чтобы выдвинуть впередъ артиллерію, должно было прежде всего овладѣть хоть одною изъ лѣсистыхъ возвышенностей ближе къ лагерю. Съ этою цѣлью принцъ направилъ бригаду 19-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дурново, который, въ главѣ Азовскаго полка, двинулся прямо по дорогѣ, между тѣмъ, какъ Днѣпровскій полкъ, занявшій лѣсъ въ правой сторонѣ, продолжалъ еще перестрѣлку съ непріятелемъ. Генералу Дурново приказано не порываться впередъ, стараясь только утвердиться на указанной высотѣ.

Съ этой минуты, для большей точности, я передамъ собственныя слова принца Виртембергскаго, какъ они выражены въ его Запискахъ [1]):

---

[1]) Эти Записки, на нѣмецкомъ языкѣ, изданы въ 1867 году подъ заглавіемъ: «Aus dem Leben des Russischen General's der Infanterie Prinzen Eugen von Würtemberg, herausgegeben von General-Maior v. Helldorff». А. В.

«Не прошло и получаса послѣ выступленія генерала Дурново и въ то время, какъ я говорилъ съ присланнымъ ко мнѣ отъ Государя флигель-адъютантомъ Кушелевымъ, намѣреваясь отправить его обратно съ донесеніемъ о моихъ распоряженіяхъ, послышалась вдругъ въ отдаленіи ружейная пальба, сначала довольно рѣдкая, потомъ оживленный бѣглый огонь и, наконецъ, сильные залпы—и я увидѣлъ турокъ, толпой бѣжавшихъ назадъ къ ихъ лагерю. На ихъ пятахъ слѣдовалъ Азовскій полкъ (не болѣе 600 человѣкъ), который мгновенно ворвался въ укрѣпленіе, но такъ же скоро, въ разстроенныхъ рядахъ, бѣжалъ изъ него, и можно было ясно видѣть, какъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, полкъ этотъ былъ отброшенъ въ глубину лѣса. Неумолкаемый огонь доказывалъ упорный бой. Въ то же время мы замѣтили, что турецкая колонна, приблизительно до 5,000 человѣкъ, двинулась съ оконечности праваго фланга лагеря въ тылъ Азовскаго полка, какъ указывала поднявшаяся пыль надъ лѣсомъ, гдѣ наступала эта колонна.

«Я всплеснулъ руками и, обратясь къ Кушелеву, сказалъ: Вы видите послѣдствія необдуманнаго дѣйствія въ лѣсу, безъ предварительной подготовки. Произошло именно то, чего я вчера опасался.

«Между тѣмъ прискакалъ адъютантъ генерала Дурново съ донесеніемъ, что лагерь взятъ и генералъ его проситъ подкрѣпленія.

«Ему указали на послѣдствія и въ ту же минуту второй посланный, съ разстроеннымъ лицомъ, поспѣшно сообщалъ мнѣ, что генералъ Дурново и всѣ штабъ-офицеры Азовскаго полка убиты, что изъ всего полка осталась горсть, которая отбивается въ лѣсу отъ нѣсколькихъ тысячъ турокъ.

«О штурмѣ лагеря нельзя было и думать. Оставалось спасать остатки азовцевъ и поддержать ихъ отступленіе, тогда какъ въ моемъ распоряженіи была только одна слабая бригада генерала Деллингсгаузена и одинъ баталіонъ Днѣпровскій, который я удержалъ на всякій случай. Почти въ то же время явился генералъ-маіоръ Симанскій съ объясненіемъ, что турецкая пѣхота, угрожавшая лѣвому флангу, потянулась назадъ къ лагерю и 20-й егерскій полкъ можетъ быть свободно двинутъ въ другое мѣсто. Отдавъ нужныя для сего приказанія, я поспѣшилъ направить баталіонъ Украинскаго полка (изъ бригады Деллингсгаузена) по дорогѣ, гдѣ начали уже появляться раненые азовцы, съ рѣшительнымъ повелѣніемъ принять на себя и поддержать преслѣдуемый турками полкъ, но ни въ какомъ случаѣ не идти далѣе. И здѣсь, однакоже, моя несчастная звѣзда отразилась на этомъ баталіонѣ, который, по вступленіи въ лѣсъ, былъ увлеченъ въ рукопашный бой и, опрокинувъ турокъ, вмѣстѣ съ горстью

Азовскаго полка пустился ихъ преслѣдовать. Тогда вскричалъ я генералу Симанскому: «Спѣшите туда и примите начальство надъ этими бѣшенными!»

«Ни ружейный огонь, ни картечь не могли удержать увлеченнаго отвагой Украинскаго баталіона. Онъ ворвался вмѣстѣ съ турками въ лагерь, откуда, подобно Азовскому полку, былъ также быстро отброшенъ и только съ помощью давно сражавшагося въ лѣсу Днѣпровскаго баталіона, а также уцѣлѣвшими остатками азовцевъ и двинутаго на помощь 20-го егерскаго полка съ уланами генерала Ностица, могъ отступить, удерживая стремительный напоръ турецкихъ войскъ. Генералъ Симанскій, только что прибывшій къ мѣсту боя, былъ убитъ въ ту минуту, когда штурмующіе были опрокинуты и преслѣдуемы массами непріятельской кавалеріи».

Прерывая здѣсь подлинный разсказъ принца Евгенія [1]) объ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ, мнѣ остается добавить, что къ ночи 19-го сентября весь отрядъ его собрался вновь у деревни Гаджи-асакларъ, гдѣ оставался вагенбургъ при небольшомъ прикрытіи.

Со стороны генерала Бистрома атака была столь же неуспѣшна. Предпринятая съ тремя баталіонами лейбъ-гренадеръ и лейбъ-егерей, которые смѣло устремились на укрѣпленіе и даже достигли рва, она была отбита мѣткимъ огнемъ турецкой пѣхоты, не смотря на троекратно повторенное нападеніе. Потеря въ обоихъ отрядахъ простиралась до 2,000 нижнихъ чиновъ и двухъ генераловъ. Кромѣ того, палъ генеральнаго штаба капитанъ Вельяминовъ-Зерновъ и тяжело ранены всѣ баталіонные командиры гвардейскихъ частей.

Главною причиной неудачи сраженія 18-го сентября 1828 г. были не только наши слабыя силы, но и мѣстность, на которой происходили дѣйствія. Турецкій укрѣпленный лагерь на высотахъ Куртме, господствующихъ надъ всею окрестностью, представлялъ для обороны большія выгоды. Вся западная оконечность высотъ была опоясана лѣсомъ и кустами, столь густыми, что атакующія войска лишены были возможности развернуть свои части и установить артиллерію

---

[1]) Въ этомъ разсказѣ принцъ подробно описываетъ, какъ генералъ Сухозанетъ, имѣвшій секретное повелѣніе замѣнить его въ случаѣ раны или смерти, оставался все время внѣ выстрѣловъ, сидя подъ деревомъ, и только тогда, какъ разстроенные баталіоны приводились въ нѣкоторый порядокъ, собирая сотни раненыхъ, онъ сѣлъ на лошадь и подъѣхалъ къ принцу для объясненія. Здѣсь, слово за словомъ, произошла страшная ссора, кончившаяся строгимъ приказаніемъ принца Сухозанету ѣхать за фронтъ, что, по военнымъ правиламъ, равносильно аресту. А. В.

для обстрѣливанія укрѣпленій. Въ особенности, со стороны принца лѣсистая мѣстность была до того пересѣчена, что вся кавалерія оставалась въ бездѣйствіи, а артиллерія, сжатая на тѣсномъ пространствѣ, могла открыть огонь съ слишкомъ дальней дистанціи. Разстояніе между отрядами генерала Бистрома и принца было такъ велико, что звукъ выстрѣловъ едва достигалъ до слуха съ той и другой стороны, отъ чего не было ни единства, ни связи въ движеніяхъ и каждый отрядъ дрался съ непріятелемъ отдѣльно. Лѣса и глубокіе овраги безъ дорогъ совершенно разобщали войска на всемъ протяженіи, что и побуждало генерала Бистрома, ближе другихъ знакомаго съ мѣстностью, такъ упорно отклонять нападеніе. Только въ южномъ направленіи отъ турецкаго лагеря, по бургасской дорогѣ, высоты были болѣе открытыя и оттуда съ выгодой можно было повести атаку; но для этого требовалось втрое болѣе войскъ, чѣмъ было у насъ подъ рукою, и что, при слабости всего осаднаго корпуса подъ Варной, было даже немыслимо.

Оба начальника отрядовъ съ полнымъ самоотверженіемъ исполнили дѣло, предпринятое противъ ихъ собственной воли и убѣжденія. На долю принца Виртембергскаго выпала болѣе трудная борьба, и мужество, доказанное имъ на поляхъ сраженій прежнихъ войнъ, не измѣнило ему ни на минуту въ критическомъ положеніи отряда 18-го сентября. Стойко удерживалъ онъ напоръ турокъ своимъ аріергардомъ подъ начальствомъ генерала Деллингсгаузена и не прежде далъ сигналъ къ отступленію, когда замолкли вдали послѣдніе выстрѣлы отряда генерала Бистрома.

Въ своихъ личныхъ сужденіяхъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, принцъ находитъ двухъ виновниковъ: графа Дибича и Сухозанета. Болѣе всего—перваго изъ нихъ, какъ давнишняго его врага, еще со времени кульмскаго сраженія въ 1813 году, и который будто бы изъ мести хотѣлъ погубить его.

Смѣю думать, что столь важное обвиненіе, по крайней мѣрѣ—преувеличено. Скорѣе можно и должно допустить, что если бы графъ Дибичъ, которому нельзя отказать въ военной опытности и даже дарованіяхъ, лично осмотрѣлъ мѣстность и расположеніе турецкаго лагеря, то несомнѣнно убѣдился бы въ безуспѣшности атаки столь малымъ числомъ войскъ и не настаивалъ бы у Государя на исполненіи ея.

Во всякомъ случаѣ, было-ли это послѣдствіемъ непримиримой вражды, или простою, хотя значительною ошибкой, но сраженіе 18-го сентября 1828 г. невыгодно отразилось на ходъ осады. Паша Омеръ-Вріоне, ободренный своимъ успѣхомъ, укрѣплялся болѣе и болѣе на неприступ-

ныхъ высотахъ и тѣмъ поощрялъ гарнизонъ Варны къ оборонѣ крѣпости до послѣдней крайности.

20-го сентября донелъ, чрезъ лазутчиковъ, до Государя слухъ, что Омеръ-Вріоне ищетъ обойти позицію генерала Бистрома и съ этою цѣлью пробиваетъ сквозь лѣса и кустарники новую дорогу отъ своего лѣваго угловаго укрѣпленія. Этимъ средствомъ онъ могъ неожиданно напасть въ тылъ нижняго блокаднаго отряда и, опрокинувъ его, поставить въ безвыходное положеніе.

По важности своей, извѣстіе это требовало точнаго изслѣдованія, и генералъ Бистромъ, вслѣдствіе личнаго повелѣнія Государя, возложилъ на меня эту обязанность. По свойству мѣстности, окружающей турецкій лагерь, невозможно было подойти къ нему, для обозрѣнія, иначе, какъ скрытно, съ небольшою пѣхотною командой. Выбрано было 10 охотниковъ изъ разныхъ частей войскъ и съ ними я, съ ранняго утра, отправился прямо лѣсомъ къ лѣвому флангу непріятельскаго лагеря. Порученіе было не безъ опасности. Кругомъ занятаго турками укрѣпленія сторожила цѣпь часовыхъ, впереди ходили пѣшіе патрули, и избѣгнуть ихъ можно было только счастливымъ случаемъ.

Пробираясь безъ шума среди кустовъ и прислушиваясь къ каждому шороху и звуку, я на каждой замѣченной тропѣ оставлялъ одного человѣка для наблюденія. Такимъ образомъ подвигаясь впередъ, мнѣ удалось обогнуть все укрѣпленіе и на столько къ нему приблизиться, что съ дерева, на которое я кое-какъ взобрался, могъ даже снять на бумагу новые возводимые турками окопы, что, вѣроятно, и подало поводъ къ слуху о новой дорогѣ. Не довольствуясь этимъ обозрѣніемъ, я счелъ нужнымъ проникнуть до дороги, ведущей въ Гаджи-асакларъ (той самой, по которой наступала колонна принца Евгенія 18-го сентября), откуда непріятелю еще легче было бы проложить сквозь лѣсъ новое сообщеніе для обхода генерала Бистрома и нападенія на нижній отрядъ. Но и здѣсь турки, при обыкновенной ихъ безпечности, не предприняли никакихъ работъ и я съ полною увѣренностью могъ донести о томъ.

День склонялся къ вечеру, какъ, усталый и въ изорванной одеждѣ, я возвратился къ отряду съ 8-ю только охотниками, такъ какъ двое изъ нихъ пропали безъ вѣсти. Генералъ Бистромъ ожидалъ моего прибытія на крайнемъ редутѣ и въ тотъ же вечеръ отправилъ меня къ Государю, на корабль «Парижъ», куда однакожъ я не могъ прибыть ранѣе 11-ти часовъ ночи. Графъ Дибичъ принялъ меня въ своей каютѣ, внимательно выслушалъ всѣ объясненія и велѣлъ ночевать на кораблѣ. Позванный къ ужину вмѣстѣ съ блестящею цар-

скою свитой, среди коей появленіе армейскаго офицера прямо съ бивака рѣзко отличалось, я почти въ первый разъ спокойно отдохнулъ послѣ двухмѣсячныхъ боевыхъ тревогъ и лишеній.

Въ 8 часовъ утра я былъ позванъ къ Государю, на палубу.

— «Ты меня очень успокоилъ,—сказалъ милостиво Императоръ,— и я сердечно тебя благодарю. Передай отъ меня Карлу Ивановичу (имя генерала Бистрома), что на него и на всѣхъ васъ я твердо полагаюсь. Еще небольшое усиліе и крѣпость скоро будетъ въ нашей власти». Затѣмъ, перекрестивъ меня, добавилъ: «Да сохранитъ тебя Богъ!»

Эти, выраженныя отъ души, слова остались навсегда врѣзанными въ памяти моей и въ сердцѣ. Чрезъ три дня послѣ того рушился послѣдній оплотъ храбрыхъ защитниковъ Варны: два бастіона взорваны минами, прилегающій къ нимъ городской кварталъ превращенъ въ груду камней и самый домъ, гдѣ жилъ паша—разрушенъ до основанія. Крѣпость, послѣ $2^1/_2$ мѣсячной осады, безусловно сдалась, наконецъ, 29-го сентября 1828 г., между тѣмъ какъ корпусъ Омеръ-Вріоне, послѣ тщетныхъ усилій подать ей помощь, быстро отступилъ въ ночь съ 28-го на 29-е число къ Камчику, преслѣдуемый войсками генераловъ Бистрома и принца Виртембергскаго.

Варна, въ первый разъ покоренная русскимъ оружіемъ, была важнымъ во всѣхъ отношеніяхъ пріобрѣтеніемъ и много способствовала блестящимъ успѣхамъ нашихъ войскъ въ кампанію 1829 года [1]).

А. И. Веригинъ.

С.-Петербургъ.

---

[1]) О непобѣдимости и неприступности Варны весьма витіевато возвѣщено было турками въ надписяхъ на мраморныхъ доскахъ, которыя были вдѣланы ими въ стѣны военныхъ сооруженій въ Варнѣ. Побѣдители русскіе выломали эти доски. Онѣ хранятся въ Музеѣ во дворцѣ въ Павловскѣ. См. описаніе Павловска, роскошное изд. Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Спб. 1877 г. стр. 415 и слѣд.

Эпизодъ изъ осады Варны въ 1828 году.

Послѣ напечатанія статьи подъ заглавіемъ «Воспоминанія объ осадѣ крѣпости Варны и участіе въ ней императора Николая Павловича въ 1828 году», бывшій адъютантъ графа Бенкендорфа, Павелъ Матвѣевичъ Толстой, находившійся временно въ распоряженіи генерала Бистрома на южной сторонѣ, доставилъ мнѣ нѣкоторыя словесныя объясненія, которыя по ихъ значенію я считаю долгомъ не оставлять въ безгласности.

Прибывъ по высочайшему повелѣнію въ южный отрядъ вечеромъ 17-го сентября, вскорѣ послѣ отбытія ген.-адъютанта Сухозанета, ротмистръ Толстой[1]) нашелъ генерала Бистрома крайне взволнованнымъ и безпокойнымъ. Твердо убѣжденный, что предположенная атака турецкаго укрѣпленнаго лагеря на высотахъ Куртепе не можетъ обѣщать успѣха, генералъ Бистромъ въ эту же ночь отправилъ ротмистра Толстаго къ Государю на корабль «Парижъ» съ порученіемъ въ точности передать Его Величеству тѣ-же слова, которыя были высказаны генералъ-адъютанту Сухозанету, а именно, что онъ готовъ идти на приступъ простымъ солдатомъ, но слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Выслушавъ это донесеніе, Государь приказалъ тотчасъ же позвать къ себѣ Дибича и, въ присутствіи Толстаго, строго сказалъ ему: «Вы все видите въ розовомъ цвѣтѣ, и вы одни будете отвѣчать мнѣ за послѣдствія завтрашняго дѣла!».

Повелительный тонъ, которымъ произнесены были эти слова, побудилъ Дибича просить разрѣшенія—лично отправиться къ отряду генерала Бистрома, гдѣ дѣйствительно и находился онъ во все время боя 18-го сентября, наблюдая изъ редута за дѣйствіями войскъ.

Что произошло между Государемъ и Дибичемъ, по возвращеніи послѣдняго—осталось неизвѣстнымъ, и хотя несчастный исходъ сраженія 18-го сентября могъ бы, казалось, поколебать довѣріе къ нему Государя, но этого однакоже не послѣдовало. Лично же, сколько извѣстно, Государь сознавалъ вполнѣ несоотвѣтственность данныхъ повелѣній для атаки, и, движимый великодушнымъ, истинно рыцарскимъ чувствомъ, написалъ собственноручно къ генералу Бистрому письмо, содержаніе котораго осталось до сихъ поръ въ тайнѣ.

А. И. Веригинъ.

---

[1]) Впослѣдствіи флигель-адъютантъ, нынѣ въ отставкѣ.